Очарованные

Автор:
Анастасия Соловьева

Очарованные

Анастасия Соловьева

Прямая и простодушная, Лена никогда не задумывалась о губительных свойствах страсти. Когда на ее отчима обрушилось любовное наваждение, а мать впала в глубокую депрессию, девушка с жаром принялась устраивать их счастье. Ей пришлось нелегко, но волшебный свет грез и очарованность влюбленных заворожили Лену. Неожиданная встреча с Борисом, тем, кто когда-то впервые пробудил в ней женщину, на этот раз грозит превратиться во что-то очень серьезное...

Анастасия Соловьева

Очарованные

Глава 1

Из ЗАГСа поехали в церковь. Кавалькада из четырех машин, хлопая воздушными шариками и шелковыми лентами на потеху публики, направилась в центр. Для венчания почему-то выбрали церквушку, затерянную в староарбатских проулках. Неужели нельзя было найти ничего поближе?! По дороге проскочили несколько церквей.

Добирались долго, попадая из пробки в пробку, и, естественно, опоздали. Лена вся извелась. Простои в пробках доканывали ее. А чего стоили эти глупые ленты, шары и кукла на радиаторе! Она ехала во второй машине и, пока стояли на светофорах, видела впереди счастливые затылки молодоженов, мучаясь глухой досадой. Из памяти не выходила недавняя тетка в ЗАГСе, кругленькая (неужели нельзя было найти получше, попрезентабельнее?), в нелепом платье цвета ночного неба с золотой цепью на поясе, с копной мелированных волос, из которых упрямо и зло пробивалась седина. В ушах Елены звенел ее голос:

– Вы добровольно пришли сюда!.. Встречайте молодую семью!..

И покорная баранья улыбка жениха.

«Нет, у меня все будет по-другому. Лучше никак, чем так!» – тяжко вздыхала Лена. Выражение лица невесты, Кати, тоже было странным, и Лена не могла его объяснить. Катя точно прислушивалась к чему-то далекому, что слышала только она одна, и при этом тихо улыбалась.

Церквушка, около которой они наконец остановились, оказалась крохотной, ярко и безвкусно раскрашенной, с маленькой, точно ссохшейся, луковицей-куполом.

В церкви было холодно, неуютно, отовсюду дуло.

Венчание долго не начиналось. Священник уже несколько раз выходил и входил в алтарь, как казалось Лене, раздраженно хлопая дверью. Он что-то резко спрашивал, с кем-то невидимым спорил и бранился. Выяснилось – для «молодых» приготовили не те венцы.

А тут еще вышел неприятный инцидент.

Измучившись ожиданием, Лена присела на стул в углу перед большой темной иконой. И, усевшись, сразу вся обмякла, тело и ноги гудели. Перед иконой тлела лампада в пузатом, похожем на старинный самовар, подсвечнике. Завораживающе мерцало его тяжелое золото. Лена задумалась. Сидеть было приятно, и вся обстановка с непонятными, будто полусонными, голосами, отдававшимися где-то вверху, вдруг показалась ей когда-то уже виденной и пережитой...

Старухи между тем принялись скрести пол шпателями, отскребать застывший воск. Резкий стальной визг о каменные плиты нервировал, мешал думать. Одна старуха доползла до ног Лены и, ткнув шпатель ей под туфлю, ненавистно глянула снизу вверх. Лена механически поджала ноги. Старуха, продолжая глядеть на Лену страшными, как у боярыни Морозовой, глазами, злобно прошипела:

– Размалевалась, бесстыдница… Губы разукрасила. Расселась, как у себя дома!

Это была ложь! Губы Лена не красила, они и так были яркими. Ее взорвало. Она яростно стукнула каблуком по шпателю и прищемила старухе палец. Старуха, бешено глянув на Лену, столкнулась с таким же бешеным взглядом. Тогда она сделала плачущее лицо, выдернула палец и, непрерывно крестясь, зашептала перед иконой словно колдовские слова, то и дело озираясь на Лену.

На шум обернулись молодые, в ожидании начала венчания стоящие посреди церкви. Встретившись с глазами Сергея, Лена мгновенно сделала безучастное лицо, но, как только он отвернулся, каблуком отшвырнула шпатель старухе. Та, мельком глянув на свой инструмент, продолжила креститься и низко кланяться.

Досадуя на все вокруг, Лена вышла из церкви и закурила. Прохожие с интересом таращились на свадебный кортеж, на курящую у храма девушку, на церковные двери, стараясь разглядеть за ними невесту с женихом.

Настроение было окончательно испорчено. В этот момент Лене показалось, что она совсем одна на белом свете, нет у нее ни родных, ни близких людей, а весь мир, тупой, жестокий и пошлый, как эти шарики, покорная спина Сергея и старуха со шпателем, ненавидит и смеется над ней.

Неподалеку от церкви остановился официальный лаково-черный автомобиль. Дверца распахнулась, и из машины легко выскочил пожилой господин в светло-сером костюме с маленьким, узким портфельчиком. Открыв дверь соседнего с церковью дома, господинчик готов был запрыгнуть туда, но на миг тоже загляделся на свадебные машины, на Лену… И вдруг весело подмигнул ей, мол, ничего, будет и на нашей улице праздник. Дверь за ним мягко защелкнулась, а Лена рассмеялась. Мир в лице официального господина в светло-сером костюме ободрил ее, и она, бросив сигарету, вернулась в церковь.

Венчание уже началось. По храму расхаживал священник, размахивая кадилом, из которого валил густой дым. Пахло горелым. Священник бросал недовольные взгляды на певчих на клиросе. Там тянули тоненькими нестройными голосами устало и поспешно.

Из церкви поехали в ресторан, и Лена в который уже раз за день пожалела, что поддалась на мамины уговоры и согласилась принять участие в этом угробном празднике. Прийти свидетелем на бракосочетание собственного бой-френда и ближайшей подруги (к обоим, естественно, добавим приставку экс) – ну что может быть более нелепо?!

...Получив по электронной почте приглашение, сначала Лена расхохоталась. Но мама ни с того ни с сего осудила такую ее реакцию:

– И что тут смешного? Если хочешь знать, люди тебе честь оказали.

– И в чем же заключается эта честь?! – эмоционально, но без иронии спросила Лена. Недавно ей исполнилось двадцать два года, и она уже миновала тот нежный, трогательный возраст, когда с родителями невозможно не спорить.

– Ну... – Мать развела руками. – Хотят, чтоб ты была рядом с ними в такой важный день... Чтобы разделила их счастье.

– Да, может, мне это их счастье неприятно! – имея в виду свое недолгое счастье с Сергеем, выкрикнула Лена. – Может, оно меня коробит, шокирует?!

– Прекрати! Их счастье тебя шокировать не должно. Они ни в чем тебя не обманули, вполне честно себя вели. И ты, между прочим, сама решила расстаться с Сергеем, – терпеливо напоминала мать.

– Я только решила, – продолжила Лена в сердцах, – а она уже тут как тут. Вцепилась мертвой хваткой! А уж строила из себя, показывала!.. Идеалистка-недотрога! Думают, я им позавидую... Как же!

И тут же воображение подсунуло ей образ Сергея – благодушно скучного, добропорядочного, мягкотелого... И уж совсем непонятно, чем этот заурядный человек прельстил Катю.

Катя – художница. И – красавица. Шелковистые каштановые волосы, разбросанные по плечам, почти девическое изящество и изысканность манер, интригующе сочетающиеся со строгим классическим стилем одежды и макияжа. Не всякий ее, конечно, оценит, но кто оценит – крепко западет. Лена знала: у Кати полно поклонников, к которым сама Катя, впрочем, относилась совершенно равнодушно. И вдруг – Сергей!

«Не Сергей, а его квартира! – подсказала приятельница Вика, ломавшая вместе с Леной голову над ребусом этого брачного союза. – С ребенком, да еще без жилья – за кого угодно побежишь замуж!»

Ну что ж, Вика увидела ситуацию по-своему. Она тоже без жилья, для нее брак с москвичом – увы, пока неосуществленная мечта. Но у Кати-то абсолютно другие мерки! Кате любовь подавай. Настоящую! Такую, как у нее была с Крандиевским!

Сломленная любопытством, Лена набрала Катин телефон. Они не виделись и не созванивались несколько месяцев. За это время разрыв между Еленой и Сергеем стал свершившимся фактом. А Катя, бывшая когда-то всего лишь его подчиненной, превратилась в невесту. Да что там в невесту – в жену!

– Ты где теперь живешь? – без предисловий спросила Лена.

– В Новых Черемушках. – Катя в высшей степени просто сообщила о том, что живет она у Сергея.

– Ну и как?

– Нормально.

«И все?! – рвала и метала про себя Ленка. – А где же восторги любви или хотя бы доводы разума? Неужели я так и не узнаю подробностей?!»

– А работаешь?

– Где и работала – в «Гранадосе». На твое место новая девочка пришла, из Малаховки ездит.

– Хорошая?

– Да, старается очень. Видно, что работой дорожит. – Катя вдруг оживилась, как будто девочка из Малаховки была важнее и интереснее, чем ее собственная жизнь с Сергеем.

По инерции Лена продолжала изощряться, задавала каверзные вопросы, а в ответ Катя легко произносила ничего не значащие короткие фразы.

– Все хорошо... Нет, выходные проводим дома... Просто не хочется никуда... С Игорем Сергей пока еще незнаком. Нет, Игорек будет жить с нами. Я уже записала его в гимназию в первый класс. Он с моими родителями приедет на нашу свадьбу. Свадьба будет самая обыкновенная...

– Да ты что? С фатой и с белым платьем?!

– Фата – это, может быть, слишком. Фата, если ты помнишь, символ невинности. А платье в самый раз!

– Да, да, – согласилась Лена, вспомнив, что с Крандиевским, отцом Игорька, Катя отношений не регистрировала. – У каждой женщины хотя бы раз в жизни должно быть свадебное платье.

– Должно, – последовал короткий ответ.

После телефонного разговора с Катей Лена открыла все-таки одну важную истину. Она поняла, зачем ее позвали на свадьбу! Вовсе не для утирания носа. Утирание носов – не Катино амплуа. Экс-подруга пригласила ее, потому что пригласить больше было некого. И неудивительно. Уж такой она человек – необщительный, замкнутый, вся в свою живопись ушла с головой. Некогда Кате приятельниц заводить, тем более в чужом городе – в Москве!

И еще одно довольно-таки обидное открытие сделала для себя Елена. Для Кати не существует прошлого. Любовная история Лены и Сергея, хотя и короткая, но такая яркая и красивая, к тому же развивавшаяся на Катиных глазах, не вызывает у нее ревности...

А Сергей?

«Неужели он охладел ко мне окончательно? – с неприятной, сосущей тоской подумала Лена. – До такой степени, что готов пригласить меня свидетельницей на свадьбу? Неужели не дрогнуло ничего?..»

А кто знает? Может, и дрогнуло. Только от его воли там мало чего зависело. С большим отрывом в их союзе лидирует Катя – ежу понятно.

Выходит, телефонный разговор не прошел даром – принес некоторые результаты. Результаты, прямо скажем, довольно обидные. Сергей больше не любит ее, а Катя даже не видит в ней опасной соперницы... Но все-таки любопытно, что же связало их? Чтобы ответить на этот вопрос, придется, хочешь не хочешь, идти на свадьбу.

– Иди-иди, – обрадовалась Вика. – Кстати, классный подарок могу посоветовать.

– Что за подарок?

– Мягкую игрушку! Львицу, пантеру или... – Лена догадалась, что Вика пропагандирует товары своего предприятия. Фирма, где она служила, торговала оптовыми партиями мягких игрушек. – Или зайчика!

– Или змею! – съязвила Ленка.

– А еще, – Вику мало занимал Ленин эмоциональный настрой, – можешь купить у нас маленькие игрушки-сувенирчики для других гостей.

– Для кого ж, например?

– Ну ведь у них есть дети! У Кати, ты говорила, сын... А у Сергея?

– Дочка. Только она в Америке.

– Ну ладно, для нее можешь не покупать, – пошутила Вика. – А кто там будет еще? Младшие сестренки, племянники?

– У Кати племянники-близнецы... Только захочет ли она их позвать – не знаю: сестра ее живет в Петербурге. Потом они большие, лет тринадцать—четырнадцать, подростки уже.

– Это не беда! – авторитетно заявила Вика. – Для подростков в неограниченном количестве имеются драконы...

– Да ты что? – перебила Ленка с хохотом. – «Разрешите в торжественный день бракосочетания вашей тетушки преподнести вам в подарок этих хорошеньких драконов?!» Так, что ли?.. Ты подумала, как я буду выглядеть?

– Если тебе не нравятся драконы, можешь купить им по плюшевому медвежонку. В школу пойдут – прицепят к рюкзакам. Прикольно!.. И самое главное – ты получишь скидку. Если, например, возьмешь черную пантеру за триста двадцать восемь условных единиц... Подожди, я сейчас прикину на калькуляторе.

– Да какую пантеру?! Где это видано – дарить на свадьбу черную кошку!

– Это я так... вообще. – Чувствовалось, что Вика поглощена подсчетами. – За эту цену есть лисицы, волки...

– Волки позорные! – Лена уже развеселилась. – А может, поднапрячься и подарить им целую стаю? Ваша компания, наверное, мне уступит.

– Есть белые медведи, панды. У нас самый шикарный выбор в Москве!

«Ничего, еще нескоро, – успокаивала себя Елена. – Придумаю что-нибудь с подарком...»

И ничего конечно же не придумала. За три дня до Катиной свадьбы она защищала диплом, вечером того же дня отмечала радостное событие с однокурсниками в ресторане, потом отсыпалась целые сутки и накануне свадьбы оказалась лицом к лицу со злосчастной проблемой. Подарок!

Костюм и туфли она купила еще перед защитой. Очень удачные вещи – в них можно прийти и в институт, и на свадьбу. И даже отправиться на прогулку! Особенно юбка – в меру длинная, в меру яркая, в меру элегантная. Наденешь с

такой юбкой пиджак – получится стильная бизнес-леди, заменишь его нежной персиковой блузкой – превратишься в изысканную, романтическую барышню, немного ретро. Ей и прическу в мамином салоне сделают соответствующую, и макияж подберут... Ну а как быть с подарком?

Тут Елена и вспомнила про мягкие игрушки.

– Приезжай на склад. – Вика отреагировала мгновенно, как будто все это время только и делала, что ожидала Лениного звонка. – Успеешь сегодня. Я сейчас на тебя пропуск закажу. Возьмешь паспорт, покажешь охраннику. Иди вдоль ангаров по указателям – встречаемся у входа... через сорок минут.

– Я через сорок минут не успею.

– Да чего тут ехать? От Бутова на машине минут двадцать, максимум полчаса! Мы находимся почти что у Кольцевой.

– Так это если на машине...

– Ну все, давай. – Вика уже прощалась.

Положив трубку, Лена почувствовала себя в преглупой ситуации. Не успеет она добраться за сорок минут до Викиного склада! А признаться, что машину она водить не умеет, ей не позволила гордость. Вика хотя и провинциалка, и жила в съемной однокомнатной квартире с мамой вдвоем, а давно уже управляла собственным джипом. И Настя, другая Ленина подруга, тоже раскатывала по городу на машине... Да все, кого ни возьми! И ведь что самое смешное: автомобиль, абсолютно новый белый «фольксваген-пассат», свалился Лене в прошлом году буквально с неба. Не сам автомобиль, конечно, а только ключи. Но одновременно с ними и право собственности.

Корпоративная вечеринка по случаю десятилетия успешной работы испанской фирмы «Гранадос» в России проходила на круизном теплоходе, который следовал рейсом «Причал «Ново-Спасский мост» – Остров Сокровищ» (берег канала Москва—Волга). В пути участникам круиза раздали карту острова с помеченным на ней кладом. Но вся хитрость заключалась в том, что карты были порезаны на пазлы и каждый раз эти пазлы непременно складывались в новых комбинациях. И клад, соответственно, каждый раз оказывался в новом месте.

Теплоход причалил к Острову Сокровищ уже ночью, после обильных возлияний в пути. Лена вместе со всеми сошла на берег. Клад ее мало интересовал, ей просто хотелось побыть одной, прийти в себя. Ведь только что она танцевала с ним, Сергеем, мужчиной ее грез. Смешно и глупо сейчас вспоминать об этом. Но тогда!..

Сойдя с трапа теплохода, Лена, опьяненная счастьем, побрела куда глаза глядят, вдоль воды. Потом зачем-то вскарабкалась на высокий берег и тут в сладком изнеможении опустилась на траву, прислонившись к стволу дерева. Хотелось глядеть на черную воду канала, над которой разрывались салюты. Сзади по лесу мелькали фонари, слышался хохот искателей сокровищ.

Когда Лена попыталась подняться, жабо ее испанского старинного платья (бал на теплоходе был костюмированным) за что-то зацепилось. Лена осторожно, чтобы не разорвать тонкого кружева, нащупала в темноте какой-то гвоздик, который и не пускал ее. А на гвоздике звякнули ключи – ключи от машины. Тот самый клад, который искали все...

Надо было форсировать события, поступать в автошколу, осваивать вождение. Но вместо этого она умирала от счастья в объятиях идиота Сергея. Эх, дура, дурочка!

«Фольксваген» и по сей день пылился в гараже отчима, а Лена была обречена ощущать себя социальным аутсайдером. Ведь без машины все труднее вписаться в современный городской ритм. А уж как неприятно вдруг почувствовать себя хуже Вики! Но признаться ей в своей беспомощности Лена не решилась.

Как известно, абсолютно безвыходных положений не бывает, и Лена очень кстати вспомнила, что горю может помочь Астерий – ее сводный брат, сын отчима, живущий с ними под одной крышей. Он-то – молодец: получил права на следующий день после совершеннолетия. Тихо-спокойно пошел и сдал экзамен в ГАИ. Иногда Астерий брал ее машину, и теперь она решила попросить его об ответной услуге. Долг платежом красен.

– Поехали. Только недалеко. – Отчужденным тоном, пренебрежительным кивком Астерий умел показать: перспектива поездки его отнюдь не радует – отказать мешает лишь безупречное воспитание.

«Хорош гусь, – огрызнулась про себя Ленка. – Ну ничего, война придет – хлебушка попросишь! Не видать тебе больше моей машины. Завтра же запишусь на курсы вождения!»

– Лен, а куда мы едем? – Астерий отвлек ее внимание от кровожадных планов.

– На склад, за мягкими игрушками, – отрезала Лена.

– ...Свадебный подарок? Огромный белый медведь? За триста двадцать восемь условных единиц? – Астерий бурно расхохотался. – Пошлее этого подарка только сама свадьба.

– Ничего, у нас все в гармонии, – напомнила Ленка хмуро. – Отстойная свадьба – соответствующие подарки. Много бы я дала, чтобы туда не ходить.

– Ну так не ходи. Какие проблемы?

– Я не просто гость – еще и свидетель.

– С красной лентой через плечо? – продолжал издеваться Астерий.

– Тебе – смех. – Лена печально взглянула на него.

И вдруг он предложил:

– А хочешь, я с тобой пойду?

– Хочу! Еще как, если бы ты знал только! – горячо воскликнула Лена, но тут же спросила, застеснявшись своей откровенной радости: – Ты шутишь?

– Почти нет. – Астерий чуть заметно усмехнулся.

«Пусть сколько хочет ездит на машине, – решила про себя Лена. – И взамен мне ничего не надо. Он хоть и сводный, но все-таки мой брат!»

– Это мой брат, – объяснила она, представляя Астерия Вике. – А Вика моя одноклассница.

Астерий улыбнулся и кивнул, как показалось Лене, снисходительно. Снисходительность на этот раз нисколько не раздражала ее – она была адресована Вике.

– Как… как его зовут? – обратившись к Лене, переспросила Вика.

– Меня зовут Астерий, – вместо Лены ответил он сам. – Астерий. У меня экзотическое имя, по-гречески значит «звездный».

– Астерий! – Вика стрельнула глазками. – В этом, пожалуй, что-то есть… Астерий, Астерий, – повторила она жеманно несколько раз, словно прикидывала, идет ли это имя ему, – так в магазинах одежды прикладывают к себе кофточку или свитер и подолгу рассматривают себя в зеркале. – Астерий, а чем тебе не нравится наша игрушка?! – Она неловко прижала к себе необъятного белого медведя. – Посмотри, какая у него милая мордочка! Видишь?.. А хочешь, мы его поменяем! Давай поменяем! Пойдем!

Вика энергично дернула дверь мрачноватого складского здания, и Лене с Астерием не осталось ничего другого, как последовать за ней.

– Купите им большую собаку! Собака – хороший подарок, символ дружбы. Возьмите вот этого великолепного далматинца!.. Или лучше жирафа! – глядя во все глаза на Астерия и обращаясь исключительно к нему, усердствовала Вика. – Жираф ужасно смешной! Вы всех гостей насмешите…

– Жираф не нужен, – сухо перебила подругу Ленка. – Не суетись, мы возьмем белого медведя.

– Нет, зачем же! Если Астерию он не нравится…

– Мне все равно.

– Как все равно?! Далматинец такая лапочка! Ну чего, ребят, берете далматинца?

– Берем, – вздохнула Лена.

На следующий день, с прикольными подарками и не уступающими им букетами, Лена и Астерий входили в подъезд кирпично-монолитного дома, расположенного недалеко от станции метро «Новые Черемушки».

– Жениху, – пространно рассказывала Лена, – принадлежит на двадцать четвертом этаже этого дома блок из двух квартир. Трехкомнатной и четырехкомнатной или четырехкомнатной и двухкомнатной… Точно не помню.

– А ты, выходит, свидетельница жениха? – удивился Астерий.

– С чего ты взял?

– В противном случае мы должны были бы зайти за невестой.

– А невеста уж тут как тут! Наши голубки соединились задолго до свадьбы!

– А ты недовольна? – Астерий с любопытством посмотрел на нее.

Его вопрос неприятно поразил Елену, и она промолчала. Но боже мой, неужели это так заметно? И хорошо все-таки, что рядом оказался Астерий. А может, пока не поздно, счастливых влюбленных попробовать разыграть?

Нет, не получится! Катя отлично знает, кто такой Астерий. Лена сама ей тысячу раз рассказывала и про то, как сбежала за границу, подальше от бдительных судебных органов, мать Астерия, чернокнижница и колдунья. И про то, как он плавно переехал к ним, а мама зачем-то взяла и поселила его в Лениной комнате. Лена тогда обиделась на весь мир и ушла из дома. Ей страстно хотелось доказать, что ни в ком из них она не нуждается.

А сейчас, похоже, то же самое она собирается доказать Кате и Сергею…

«Не буду я им ничего доказывать. Много чести! Какая есть – такая есть», – подумала она и решительно позвонила в дверь давно знакомой квартиры.

Глава 2

Все венчание, стоя позади молодых, рассеянно, без интереса следя за красивым старинным обрядом, Лена мучительно соображала – зачем они позвали ее в свидетели? Неужели им до такой степени на нее наплевать? Но им не может, не может быть все равно! Ни Сергею, ни Кате. Болезненно прикусив губу, Лена напряженно смотрела им в спины, точно пыталась найти в них ответ.

Священник подал молодым серебряный стаканчик вина, и они по очереди из него выпили. А Лена вспомнила их совместные ужины, когда она с Сергеем приезжала вечером домой, а дома их уже ждал стол, накрытый Катей, и ее фирменный черничный пирог. Они пили вино, смеялись и шутили. Было непринужденно и весело.

И сейчас Лена до мельчайших подробностей стала припоминать эти вечера – ведь именно тогда Катя и плела свою гнусную сеть, а она, Лена, ничего не замечала! Конечно, наплевать на них, но как обидно! За спиной, с такой хитростью… Обвела вокруг пальца, как последнюю дурочку, и опять строит из себя невинность! Лена зло оглядела Катю с ног до головы.

Из церкви кавалькада машин отправилась на «свадебное заседание» в плавучий ресторан «Оранжевый дракон». И опять ехали безумно долго, хотя до «поплавка» было подать рукой. И, маясь в нескончаемых пробках, Лена наблюдала в передней машине затылки счастливых молодых.

Ресторан «Оранжевый дракон» был похож на замоскворецкий купеческий средней руки особнячок с белым мезонином, над которым торчала неуместная будка с японской, как на пагодах, крышей и шпилем.

Когда Лена со всей честной компанией всходила по дощатому трапу на «поплавок», снаружи обвешанный красными спасательными кругами, она вдруг вспомнила корпоративную вечеринку на теплоходе, бывшую будто в позапрошлой жизни, хотя с тех пор не прошло и года. Тогда-то они и сошлись с Сергеем в сказочной испанской каюте – и точно такие же красные круги висели на стенах корабля, и за иллюминаторами также хлюпала грязно-зеленая вода Москвы-реки. Любит же он пароходы. Подумав о Сергее, Лена усмехнулась без сожаления о прошлом.

На борту их встретила стайка официанток в матросочках во главе с тамадой, которым оказалась изящно, со вкусом одетая и причесанная дама, а не залихватского вида кучерявый дяденька с баяном.

Тамада провела их в небольшой зал в мезонине: светло-бежевые стены, украшенные картинами с видами моря и макетами парусников в вишневых мореных рамах, вишневые же потолочные балки, бордовые шторы с ламбрекенами, зеркально-паркетный пол, накрахмаленные белые скатерти с золотой каймой на сдвинутых по центру столах. Вдоль всего зала тянулись двумя рядами колонны, туго обкрученные канатами.

Тамада руководила посадкой. В центре стола – молодые. Невеста – справа от жениха, как его правая рука. Рядом с невестой – свидетельница.

– Где наша свидетельница?

Это Лена. А рядом со свидетельницей должны сидеть родители жениха. Так она оказалась рядом с отцом Сергея, благодушным стариканом, не имевшим ничего общего со своим сыном и похожим скорее на екатерининского вельможу.

Далее начались неизбежные в подобных мероприятиях глупости.

– Сегодня у новобрачных самый прекрасный и самый значительный день – день присвоения новых и дорогих титулов: супруг и супруга...

– Нам уже горько!

Спрятанный в углу струнный квартет – две скрипки, альт и контрабас, как в известной басне! – грянул свадебный марш Мендельсона. Под него все выпили и начали закусывать.

Дворцом любая станет хата, —

декламировала тамада, —

Царит где добрая жена!

Дороже всех богатств она,

Дороже жемчуга и злата!

Я пью, верней, бокалом голосую

За выбор жениха – за молодую!..

Все опять выпили.

– Была я как-то случайно на одной свадьбе, – вспомнила тамада историю, которую, наверное, вспоминала изо дня в день. – Свадьба неплохая. Но не этим она мне запомнилась, а совсем другим. Когда гости стали расходиться, невеста им говорит: «Спасибо, что вы пришли! Спасибо за подарки! Извините, если что было не так. Я же впервые выхожу замуж! Но в следующий раз, надеюсь, будет лучше!..» Хочу обратиться к каждому из молодоженов: нас вполне устраивает эта свадьба! И нам, и вам не нужно следующей!.. Давайте-ка за эту сладкую парочку...

– ...выпьем полную чарочку! – наклонился к Лене веселенький отец Сергея.

Лена чокнулась с ним и быстро выпила. От непрерывного потока пошлостей было стыдно и тяжело.

– А сейчас короткая танцевальная пауза, – не давая опомниться гостям, объявила тамада. – И по традиции ее открывает танец молодых супругов!

По ее команде Катя с Сергеем покорно поднялись и под аплодисменты вышли в центр.

– Существует множество свадебных игр и конкурсов, – продолжила тамада, когда отгремели аплодисменты. – Но так как мы с вами люди взрослые, мы не будем забавляться детскими штучками. И тем не менее в одну игру все же сыграем. Она называется «Живой коридор»!

И тут произошла ужасная, почти непоправимая трагедия.

Все вылезли из-за стола и выстроились на расстоянии трех метров в две шеренги друг напротив друга, образовав коридор. Тамада торжественно вручила

молодым горящую белую свечу. Цель игры – пронеся ее по этому коридору, сберечь огонь. А все присутствующие должны дуть на свечу.

Игра началась. Свечу нес Сергей. Сосредоточенно сгорбившись над робким пламенем, он медленно двинулся вперед, пряча огонь в ладонях. Самого пламени видно не было, лишь тихие оранжеватые отблески дрожали на его лице. Катя шла рядом, заслоняя робкое дрожащее пламя своими худенькими и, как сейчас казалось, беспомощными руками.

Смысл игры был ясен всем: пронесут молодые супруги горящую свечу – все у них будет хорошо, сберегут свою семью и житейские ветры ее не разрушат. Все понимающе улыбались и дружно дули мимо. Тамада тоже приняла участие в игре. Раздувая щеки, она усиленно дула молодым супругам по ногам.

Молодые почти прошли коридор. Впереди осталась только Лена и стоящий напротив нее Астерий. Сергей по-прежнему шел, сосредоточенно согнувшись над свечкой, и казалось, что он несет что-то маленькое, живое и хрупкое, точно и впрямь сберегает их семейное счастье. А Катя, беспомощно растопырив пальцы, защищала его от Лены, и зарево ярко блестело на ее новом обручальном кольце.

Пламя было видно только молодым. Но Лена, привстав на цыпочки, увидела его и дунула... Свеча погасла.

У Кати растерянно опустились руки. Сергей разжал ладони, противно запахло тлеющим фитилем.

Родителям слава, хвала и почет!

Я думаю, будет согласен народ,

Что тост за родителей надо поднять,

Здоровья и счастья им пожелать!.. —

бодро продолжила свадебное заседание тамада.

Гости принялись рассаживаться по местам, двигали стульями, наполняли бокалы. Астерий, криво, одними губами усмехнувшись Лене, поплелся на свое

место рядом с сестрой Кати, Женей – вылитой Катей, только взявшей на себя несвойственную ей роль деловой женщины.

Квартет заиграл что-то веселое. И посреди этого нелепого веселья Сергей с Катей продолжали стоять. Они беспомощно жались друг к другу, глядя на потухшую свечу, фитиль которой все еще зловонно чадил. А Лена неожиданно поняла простую вещь – они просто любят друг друга.

– В этот знаменательный день я хочу провозгласить тост за родителей невесты. Они вырастили белую лебедушку, умную, красивую, веселую, – поправляя дымчатые очки, поднялся свидетель Сергея, незаметный и невзрачный – глазу не за что зацепиться. – Недаром наш молодец так охотился за ней...

Боже мой, охотился за ней! Лене вдруг сделалось нестерпимо жалко их обоих, Сергея и Катю. Упругий комок подкатил к горлу и начал ее душить.

– Что я натворила?! – прошептала Лена.

Она стояла рядом с ними, третьей, и тоже смотрела на чадящий фитиль. Глаза ее заволакивало слезами.

Лена порывисто нашарила в своей сумке зажигалку и, поднеся к свече, принялась чиркать ею. Зажигалка не работала.

– Гадина, гадина... – повторяла она про себя, чиркая зажигалкой и царапая кожу на большом пальце. – Гадина же!..

Наконец Лена не выдержала, тихо застонала и, охватив Катю за шею обеими руками, уткнулась в ее плечо. Если бы сейчас Катя брезгливо отпихнула ее, Лене стало бы легче. Но Катя гладила ее спину и что-то шептала ей. А Сергей торопливо зажигал свечу.

Вид вновь зажженного фитилька всех успокоил. Лену усадили на место. Плакать больше не хотелось, но по инерции она еще несколько раз всхлипнула. А Катя, улыбаясь и держа наготове салфетку, внимательно следила за ее глазами.

– Прямо сейчас к нам пришло сразу две телеграммы! – громко объявила тамада. – Первая поздравительная – на имя наших молодых супругов из Испании от сеньора Тарреги, владельца фирмы «Гранадос», где трудятся Сергей и Екатерина. Позвольте ознакомить вас, дорогие гости, с ее содержимым...

Телеграмма была длинной, пространной и путаной. В ней говорилось о лошадях, русских бескрайних степях, зимах, водке и березовых рощах. Никто ничего не понял, но все умилились.

– А вторая телеграмма на имя жениха... – Тамада сделала загадочное лицо. – Послушайте вот сами... «Мой любимый!.. Вчера я узнала, что ты женишься. Жаль! Ну что ж, всего доброго тебе! Мы жили с тобой в мире и дружбе, наслаждались друг другом. Неужели я тебе надоела и ты изменил мне? Жаль, что ты встретил другую...»

Катя недоуменно посмотрела на Лену. Лена отчаянно пожала плечами. Сергей слушал текст, низко опустив голову. Перед ним в пустой рюмке горела злополучная свеча, озаряя его мягким, теплым светом.

– «...Она лучше, добрее, красивее меня? – читала тамада. – Что ж, прощай навеки! Счастья тебе, любви. Я же утешусь тем, что у меня вашего брата много осталось. Прощай...» И подпись: твоя холостая жизнь!

Зал облегченно и дружно заржал. Покачав головой, облегченно усмехнулся и Сергей.

– Выпьем же за холостую жизнь! – радостно крикнул муж Катиной сестры, Виктор. Что он круглый дурак, к тому же основательно перебравший, было заметно даже со спины.

Потом опять кричали «горько!», молодые нежно целовались под звуки квартета, и гости, глядя на них, пили шампанское.

Лена постепенно успокоилась и вскоре уже вместе со всеми беззаботно хохотала над шутками тамады.

И тут случилась очередная неловкость. Чтобы привлечь к сладкому поцелуйному делу родителей молодых, тамада спросила невесту и жениха:

– Катя, в художественном училище, которое ты закончила, был хотя бы один предмет, урок, на котором тебя учили целоваться?.. Не учили Катю целоваться. Спросим жениха. Сергей, в программе твоего института предусматривались занятия, где ты мог бы овладеть мастерством поцелуя? Нет, не было такого в институтской программе. Что же делать? Кто преподаст урок поцелуя? Наверное, как всегда, родители. Просим подняться родителей жениха и невесты и крепко-крепко поцеловать друг друга. А мы всем свадебным застольем крикнем им дружное «горько!».

Мать Сергея, грузная, ярко накрашенная, завитая блондинка в навороченном алом наряде, с застывшим выражением недовольства и глубокой обиды, тяжело поднялась, с деланой брезгливостью небрежно чмокнула своего бывшего супруга и тут же опустилась на место. Весь ее вид говорил: «Вот еще! Я лучше со стулом поцелуюсь! Этот человек ушел от нас, когда Сереже шел пятнадцатый год. И денег не давал. И с чего я буду с ним целоваться?!.»

Отец Сергея, порядком охмелевший, садясь после такого поцелуя, лишь шутовски развел руками.

А родители Кати целовались действительно крепко-крепко. И долго. Игорек, Катин сын, впечатлительный мальчик лет семи-восьми, по-прежнему похожий на херувимчика – светлые локоны и карие внимательные глаза, – сидел между своими дедушкой и бабушкой, раскрыв рот, и завороженно наблюдал за их поцелуем.

Потом опять были танцы.

Лена танцевала со свидетелем Сергея, и он виделся ей не таким уж плоским и безликим. Андрей шутил, каламбурил и рассказывал забавные истории.

Лене было весело, она смеялась. От выпитого шампанского у нее немного кружилась голова.

– У нас одна женщина на работе написала брачное объявление: «Ищу мужа», – вспоминал Андрей. – И вскоре получила сотни писем. Во всех было одно и то же:

«Можешь взять моего»...

Смеясь, он через дымчатые стекла очков испытующе смотрел Лене в глаза.

– Билл Клинтон с супругой, когда он был еще президентом США, прогуливались раз и встретили бывшего одноклассника Хиллари, который работал на бензоколонке. «Видишь, – сказал Билл жене, – если бы ты вышла за него замуж, то сейчас тоже работала бы на бензоколонке». – «Нет, – ответила она, – если бы я вышла за него замуж, сейчас он был бы президентом, а ты работал бы на бензоколонке».

Провожая Лену к столу после танца, Андрей нескладно попросил у нее телефончик.

– Ни к чему... – Она безразлично отмахнулась, садясь на свое место, и тут же о нем забыла.

Потом был чай. В зал вкатили тележку с трехэтажным белым свадебным тортом, на самом верху которого стояли две шоколадные скульптурки жениха и невесты.

По традиции молодые супруги сами резали торт и преподносили каждому гостю кусочек. А скульптурки съели сами, причем Сергей съел Катю, а Катя – Сергея.

В разгар чаепития был устроен «Живой фейерверк». На стол установили громадную коробку, перевязанную шелковой ленточкой. В ней что-то шебуршилось. Когда развязали ленту и открыли коробку – из нее поднялось облако тропических бабочек. Треща крыльями, бабочки разлетелись по залу, кружили над столом, садились на торт, головы и руки собравшихся. Самая большая, черная с желтым узором, вдруг села на нос матери Сергея. Было смешно и жалко бабочек.

Вечер завершился стандартным анекдотом тамады:

– В огромном зале шел концерт. Вдруг ведущий громко обратился к аудитории: «Есть ли в зале супружеские пары, женатые только одни сутки? Пусть они поднимутся на сцену!» Такая пара нашлась. «Вы женаты одни сутки?» – спросил ведущий. «Да», – ответили молодожены. «Тогда всего один вопрос: что вы здесь

делаете?»

Наша супружеская пара состоялась несколько часов назад. Чтобы им не задавали такой же вопрос, давайте расходиться! Им пора побыть наедине!

Глава 3

Утро началось с Викиного звонка.

– Ну как? Как наши игрушки? Понравились?!

– Их никто не заметил, – собиралась ответить Лена, но вместо этого пробормотала что-то невнятное.

– Вот здорово, – воодушевилась ее невнятностью Вика. – Как твой брат поживает?

– Брат? А... – Лена с трудом сообразила, кого Вика имеет в виду. – Спит, наверное.

– Где-то рядышком?

– Ты в своем уме? Я же сказала: брат! К тому же он на четыре года меня младше.

– Вы с ним не очень?.. – осторожно полюбопытствовала Вика.

– Теперь уже очень! И даже очень-очень!.. Когда Астерию взбрело в голову пожить у себя в коттедже, я к нему даже несколько раз в гости ездила...

– У него собственный коттедж?!

– ...Только он там и месяца не выдержал! Решил, что у нас лучше.

– А где?

– Ну у нас! Ты забыла, где я живу? В поселке таунхаусов «У озера»!

– А его коттедж где? – с досадой переспросила Вика.

– В Перепелкине. Коттедж вообще-то не его, а его матери Леонарды.

– Она итальянка?

– Да почему же?! Его мать на самом деле Татьяна Андреевна Тищенкова. Просто работа у нее такая – приходится брать псевдоним.

– А мать в коттедже живет одна?

– Мать сейчас за границей. Вроде бы в Южной Америке.

– На гастролях?

– Угу, – согласилась Лена – начни она объяснять, что Леонарда колдунья, а не актриса, разговор грозил затянуться на неопределенное время.

Вика была в высшей степени дотошным человеком. Благодаря своей дотошности она отлично училась в школе, без проблем закончила бюджетное отделение Экономико-статистического университета и теперь блестяще реализовывала приобретенные знания, продавая крупным оптом мягкие игрушки.

Но совсем не так безмятежно (и во многом благодаря все той же дотошности) складывалась Викина женская судьба. Поверхностные, сиюминутные отношения с мужчинами она отвергала сразу, а что касается серьезных… Лена, во-первых, сомневалась в том, что кто-нибудь таковые ей предлагал. А во-вторых, главным Викиным требованием к кандидату было наличие у него современного жилья в городе. Конечно, при столь неординарных способностях Вика и сама могла заработать на жилье, но муж с собственной квартирой был ее заветной, давно намеченной целью.

А муж с коттеджем – это суперцель! Лена неожиданно рассмеялась, ощутив себя в превосходном настроении.

Бывают же в бурном движении по жизни тихие минутки, когда все хорошо! Хорошо проснуться утром в залитой майским солнцем комнате, поболтать по телефону с подружкой, затем спуститься на кухню к завтраку. На кухне тоже было солнечно, пахло пряностями и свежемолотым кофе, мама выставила на стол блюдо с тостами, а отчим, которого Лена привыкла называть просто Сашей, принялся рассказывать ей про ее будущую работу.

С понедельника Лена должна была начать работать дизайнером в фирме «Мебель-эксклюзив». А Саша работал там уже пятнадцать лет, и это, признаться, тоже было очень хорошим обстоятельством. Лене не пришлось рассылать резюме, унижаться на собеседованиях, подолгу томиться, ожидая ответов. Достаточно того, что Саша замолвил за нее словечко. Его словечко много весило – он в «Мебель-эксклюзиве» был главным художником.

Рассказывая о работе, Саша увлекся. Стал вспоминать о том, какие были клиенты в середине девяностых.

– Среди заказчиков каждый третий – персонаж анекдотов про новых русских! Помнишь, Лиз, была такая серия? – с улыбкой сообщника обернулся он к Лениной маме.

И мама улыбнулась тоже. Было видно, что ей дорог каждый, даже такой незначительный знак его внимания.

А ведь они женаты уже семь лет, прикинула Елена.

– В свое время я слышала очень много таких анекдотов и очень много смеялась. А теперь, – мамино лицо сделалось рассеянным и даже чуть виноватым, – не могу припомнить ни одного.

– Вот, например, – подхватил Саша. – Что такое большая квартира для нового русского? Это когда в углу незаметно стоит аквариум, в котором плавает бегемот.

Мама глуповато и счастливо засмеялась.

– Это у тебя профессиональные анекдоты?

– Да, попадались и такие клиенты – любители пространств. Требовали, чтобы в спальне стояла одна кровать, а в гостиной – один аквариум.

– Неизбежные психологические крайности, – компетентно объяснил Астерий. – Просто твои клиенты, папа, очень долго жили в тесноте. – Он взял фруктовый нож и, очистив апельсин, предложил Лене: – Хочешь половинку?

– Не знаю...

Лена на полном серьезе задумалась над тем, хочет ли она апельсин, но неожиданно поняла совсем другое, что разница между счастливыми и несчастными людьми в следующем: счастливые напрягаются, чтобы понять, хочется ли им апельсина, а несчастные... бьются над всеми остальными проблемами.

– На свадьбе переела? – участливо спросила мама.

– Вот именно... Я ужасно переела на свадьбе!

– Расскажите про свадьбу. Что вам понравилось?

– Что понравилось? – переспросила Лена, медля с ответом.

По правде говоря, ей все не понравилось. Но она не хотела обижать молодых. Тем более вспомнив, как они расстроились, когда погасла их свеча в живом коридоре.

– У Кати было очень красивое платье. Цвета слоновой кости, совершенно прямое, без рукавов и с глубоким декольте!

– Скажи по-человечески, – подсказывает Астерий, – платье невесты начиналось на уровне груди.

– Нормальная свадьба, – вступилась за друзей Лена. – И еда вкусная, особенно торт.

– Много было народу? – больше из вежливости полюбопытствовал Саша.

А мама попросила:

– Расскажи, какие у них родители.

– Очень разные! – Лена с удовольствием описала родителей новобрачных. – У Сергея мать – мадам Брошкина!

– Ну да! – опять встрял Астерий. – Ты хочешь сказать, мадам Держиморда!

– А разряжена как Брошкина, – настаивала Лена. – И муж ее, между прочим, бросил.

– Это я понял. Бедняге остается только посочувствовать.

– А у Кати очень приятная мама. Хотя она и постарше, чем мать Сергея, и платье у нее не такое алое… Катя и Женя похожи на мать.

– А кто это Женя? – удивился Астерий.

– Ну ты даешь! Это же Катина сестра! Рядом с тобой сидела, в лиловом.

– Так это ее сестра?! А я-то понять не мог…

– Это нормально, – объяснил сыну Саша. – Обычно мужчины такие вещи схватывают плохо. Зато женщинам они доставляют массу удовольствия.

– Да, мне нравится наблюдать за людьми, – задумчиво призналась Лиза. – Особенно на больших праздниках – на юбилеях, на свадьбах. Там всегда полно незнакомого народа… А что еще остается делать? Просто есть и пить? Ведь это так скучно! Иногда, если повезет, можно высмотреть целый сюжет.

– Сюжет для небольшого рассказа. – Саша непринужденно рассмеялся. – Может быть, в тебе скрывается талант беллетриста?

– Увы, только доктора. – Улыбнувшись уголками губ, Лиза опустила глаза.

Ей показалось, что мать грубовато кокетничает, польщенная мужниным вниманием. И даже выйдя на улицу, она продолжала испытывать от этого неловкость. Несколько минут постояла на крыльце, прислушиваясь к ласковому маминому голосу, доносящемуся из открытого окна кухни. Мама разговаривала с Сашей и мыла посуду. Говорила много, оживленно, и, даже не видя ее, можно было догадаться, что она улыбается.

Последний перед работой день, казалось, тянулся бесконечно. Лена посидела у маминой клумбы в шезлонге, пролистала лекции по истории искусства и посмотрела по телевизору передачу «Снимите это немедленно!». Она уже томилась ничегонеделанием, одновременно понимая, что через неделю будет жалеть о времени, растраченном так бездарно. Работа поглотит все свободные минуты. В «Гранадосе», во всяком случае, она крутилась как белка в колесе и все равно многое не успевала сделать.

А между тем в первую очередь ей хотелось освоить вождение. Ведь дизайнер вынужден раскатывать во все концы города. Так было на ее прежней работе, то же самое будет, предупредил ее Саша, и в «Мебель-эксклюзиве».

Однако в первый день Лене не пришлось выезжать на заказы. Ей предложили внимательно изучить внутрифирменные каталоги. Лена догадалась: система та же, что и в «Гранадосе». На словах обещают воплотить в жизнь сказочные желания клиентов, а в действительности норовят подсунуть мебель из каталога, чтобы не иметь лишних проблем с производством.

– Ты должна убеждать. Но убеждать профессионально. Как профессиональный дизайнер. Ты одна понимаешь, каким образом лучше организовать пространство, – втолковывал ей менеджер по работе с клиентами Губанов.

Лена и раньше была знакома с ним – иногда Губанов приходи в гости к ее родителям.

– Хотите, чтоб за серийное вам платили как за эксклюзив? – засмеялась Лена.

– Серийное – это несколько другое, – Губанов не видел ничего смешного в ее шутке, – хотя нам и случается тиражировать изделия... А потом у нас эксклюзивные материалы.

Просмотрев каталоги, Лена убедилась, что по части материалов фирме удается держать руку на пульсе. Устаревшей дубовой и буковой мебели здесь почти не предлагали. Для относительно недорогих изделий использовали всегда актуальную классику – вишню и орех. На вещи подороже шел палисандр и конечно же неизменная краса русского столярного искусства – карельская береза.

Что же касается организации пространства... Тут Лена даже слегка приуныла. Дело в том, что ее дипломной специальностью был текстиль. И скромный профессиональный опыт тоже был связан с текстилем. Два года она проработала дизайнером штор в испанской фирме «Гранадос».

Лена умела одевать окна. С Катей они даже шутили, что окна – те же люди, у каждого свой характер. И шторы в соответствии с характером могут быть строгими, кокетливыми или озорными. Короткими и пышными из разноцветной органзы или томными, тяжелыми, бархатными, с правильной формы ламбрекеном. Временами и окна бывают капризными. Однако Лена не сомневалась: капризы плоскости – ничто в сравнении с капризами пространства. Как-то она справится с этими капризами, реорганизуя пространства офисов, коттеджей, пентхаусов и квартир?

Выход один: дергать Сашу. В наказание за добрые дела! Лена с неприязнью захлопнула внутрифирменный каталог, собираясь идти домой, но ее отвлек телефон.

– Я поздравляю вас, девушка, с успешным окончанием первого рабочего дня! – пропела оперным голосом Вика.

– Хватит издеваться, – хмуро отозвалась Ленка.

– А чего? У нас уже проблемы? – поддразнила Вика.

Лена попыталась объяснить Вике, неискушенной в вопросах дизайна, какие ее в ближайшее время ждут неприятности, но подруга не впечатлилась ее рассказом.

– Уж поверь мне, ты со всем справишься! – пророчествовала она. – Во-первых, у тебя есть компьютер. Во-вторых, отчим, который не бросит тебя на произвол судьбы. А в-третьих, приезжайте завтра ко мне на презентацию!

– Что-что? – От удивления Ленка не расслышала. – К тебе на презентацию?

– На ВДНХ в бывшем павильоне игрушек состоится презентация нашей новой коллекции. Начало в три часа. Я пришлю курьера ко входу на выставку, она проводит вас в павильон.

– Ничего, к сожалению, не получится. До семи мне придется высиживать в офисе. Каталоги гребаные изучать!

– Так не высиживай! Плюнь на них вообще.

– Вика, ты чего? Ну плюну я, и что дальше? Совсем без работы останусь?!

– Умные люди в наше время без работы не остаются! Найдешь себе лучше в тысячу раз. Приезжайте! И кстати, – Вика вытащила козырную карту, – у нас тоже есть вакансия дизайнера. Собираемся открыть новое направление – игрушки на заказ. Хочешь попробовать? Я тебя генеральному представлю... Так что смотрите, не опаздывайте!

– Вик, – сообразила вдруг Лена, – а почему ты говоришь во множественном числе?

– Ты же будешь не одна, – ответила Вика как ни в чем ни бывало. И вдруг попросила: – Приезжай с Астерием.

– Зачем? – Лена прикинулась дурочкой.

– Понимаешь, Ленка... Нет, ты не понимаешь, что значит для меня эта презентация! Это мое первое крупное мероприятие в новой должности! Я с этого

месяца директор по продажам.

– Поздравляю...

– Да чего поздравлять! – Вика взорвалась. – Провалю все дело, меня выпрут в двадцать четыре часа.

– Да почему же провалишь?

– Мне до зарезу нужна поддержка, Лен! Если вы с Астерием придете, я буду себя чувствовать совсем по-другому!

– А если я приду без Астерия? – Лена расхохоталась.

– Двое все-таки лучше, чем один, – не обращая внимания на Ленины наезды, кротко пояснила Вика.

– Так позови каких-нибудь еще друзей.

– Нет у меня никаких друзей. На работе все завидуют! А кроме... В общем, я тебя прошу, приходите вдвоем, – закончила Вика просто.

– Ну если просишь... – согласилась Лена, загнанная в тупик настойчивостью подруги. – Я переговорю с Астерием.

Глава 4

Войдя в «игрушечный» павильон, шумный, пестрый и бесконечный, Лена с Астерием сразу услышали бодрый голос Вики, который легко покрывал механическое кряканье, кваканье и жужжание:

– ...Игрушки представляют животный и пернатый мир всех пяти континентов Земли и морских обитателей, причем многие экземпляры выполнены в натуральную величину. Уникальный авторский дизайн и ручная проработка

деталей делают «животных» и «птиц» максимально схожими с прототипами, будь это африканский слоненок или полевая мышка. В нашей коллекции более пятисот наименований, и среди них нет просто обезьянки – есть мартышка, макака, орангутанг; нет просто собаки – есть дог, немецкая овчарка, афганская или русская борзая, далматин, шитцу...

Вскоре они увидели и саму Вику. Лена невольно рассмеялась. Такой она не видела подругу никогда. Издалека ее можно было принять за громадную куклу. Викулька стояла на длинном, узком помосте, наряженная в стиле Babydoll: совсем коротенькое наивно голубенькое платьице в мелкий цветочек, отороченное белой кружевной каемкой и перехваченное под грудью широкой черной, под цвет волос, лентой, подчеркивающей отнюдь не детские Викулькины груди.

Астерий с интересом разглядывал ее открытые, довольно крепкие, но стройные ноги в белых плотных ажурных колготках.

– Нравится тебе Вика? – Лена хитро покосилась на сводного брата.

– Нравится, – серьезно кивнул Астерий, продолжая таращиться на ее ноги. – Но только не в том смысле, о котором ты думаешь.

– Ой! Какие мы сложные! Какой же тут может быть еще смысл?

– Сейчас я начинаю писать большую работу по социальной психологии, и меня очень интересует этот тип людей.

– Какой? Менеджеры?

– Нет. Тип современных приезжих. У них вся жизнь тут подчинена пробиванию в люди. Им, кажется, больше ничего и не надо. И ничего не интересно. Откуда она?

– Из Челябинска.

– А живет здесь где?

– Квартиру снимает с матерью.

– Работает кем?

– В свои двадцать два года – уже директор по продажам. Подходит?

– Вполне.

– Между прочим, – заметила Лена, – она тобой очень-очень интересовалась. Кто ты? Сплю ли я с тобой? Точно ли ты мне брат? И что за брат? Особенно ей запало, что у тебя собственный коттедж в самом Перепелкине.

Они приблизились к подиуму, с которого вещала Викулька, она их заметила, красноречиво подала знак глазами, что скоро освободится, и улыбнулась, – все это не прерывая словесного потока.

– ...Игрушки изготавливаются из высококачественного искусственного меха, плюша, флиса, трикотажа производства России, Белоруссии, Польши, Южной Кореи, Китая, Италии, США. Внутренняя набивка – синтепон, силиконовое волокно и пластмассовые гранулы... – сообщала она, не спуская теперь глаз с Астерия и Лены.

Затем отступила вглубь, легкомысленно болтая косичками с вплетенными в них жемчужными бусами, и по помосту двинулся караван манекенщиц с мягкими игрушками в руках. Манекенщицы, тоже наряженные в стиле Baby-doll, в простеньких детских с завышенными талиями платьях, украшенных рюшками и кружавчиками, в ажурных чулочках, придающих образу незащищенность, с бледными лицами и яркими губами, смотрелись видавшими виды развратными бабами.

После демонстрации началась деловая часть – обсуждение сделок, заключение контрактов и подписание договоров.

Викулька летала по павильону среди гостей и представителей компаний подобно бабочке, перелетающей с цветка на цветок в поисках сладкого нектара. Однако в ее полетах явно чувствовалась хищность, больше роднящая ее с платяной молью.

Астерий с Леной слонялись среди железных дорог, мостов и замков. Астерий вспомнил, что у него в детстве тоже была железная дорога, к которой они с отцом постоянно докупали паровозы, вагоны и рельсы. А Викулька, кружась среди клиентов, не выпускала Астерия из виду, видимо опасаясь, что он может уйти.

– Так что, господин психолог, будь с ней поосторожнее, – усмехнулась Лена.

– С железной дорогой? – не понял Астерий.

Деловая часть завершилась фуршетом.

Вика, радостная и возбужденная, подлетела к Лене и Астерию, жевавшим запеченное на шпажках мясо.

– Ребят, я так рада, что вы пришли! – Она взяла непринужденный тон старых и добрых друзей. – Ну, давайте за встречу! – Вика подняла фужер с аперитивом, в нем плавали разноцветные лесные ягоды.

Они чокнулись и выпили. Вика смотрела на Астерия тягучим взглядом. Под этим взглядом ему было неловко, но вместе с тем приятно и волнующе. Он втягивал в себя холодную сладкую и тоже тягучую жидкость. Ему попалась одна ягодка. Вика стояла рядом с ним. От нее исходил густой аромат женской плоти, смешанный с тонкими духами. Вика была какая-то влажная, волнительная, откровенная в детской одежде, которая лишь подчеркивала ее женские формы. Астерий вдруг подумал, что если бы она стояла просто голой, то не была бы так откровенна, как сейчас.

Вика находилась так близко, что все заслоняла собой. Лена и все люди вокруг вдруг для Астерия исчезли, словно провалились в небытие. А он остался с ней вдвоем.

В свои восемнадцать лет Астерий уже имел сексуальный опыт, и даже, в сравнении с его сверстниками, немалый. Но все, с кем он имел дело до сих пор, были его сверстницами-подружками – робкие, неуверенные в себе девчонки. А тут?.. Тяжелая безапелляционная сила надвинулась и почти парализовала его.

Чтобы не выдать своей слабости, Астерий смотрел Вике прямо в лицо, но не мог понять, красиво оно или уродливо, он даже рассмотреть его не мог. Оно странным образом плыло, и глаза на нем непрерывно изменялись – то делались огромными как блюдца, то исчезали совсем.

– Вам нравится заниматься игрушками? – спросил Астерий из сладкого дурмана, и его вопрос прозвучал глупо. Он сам это понял.

Вика рассмеялась.

– Я ненавижу их! Ты себе даже представить не можешь, как игрушки можно возненавидеть! Я их ненавижу! Ненавижу всеми фибрами – печенкой, селезенкой. Игрушки достали меня до кишок!..

Она жарко дышала на него, обдавая густыми женскими волнами. В руке Астерия появился полный фужер. Глядя в фантастически неопределенное лицо Вики, вдыхая ее запах, теперь отдающий фруктами – а это волновало еще сильнее, – Астерий втянул содержимое фужера. Бесконечное повторение слова «ненавижу», перечисление внутренностей – печенок, кишок, селезенок – сладко его жгло.

Астерий чувствовал над собой грубое насилие, однако не мог ему сопротивляться.

– Но вы... ты так захватывающе рассказывала об игрушках... – промямлил он и, не узнав своего голоса, умолк.

Игрушками ему казался бесконечный ряд манекенщиц с Викой во главе.

– Я просто честно отрабатываю мой хлеб...

«Отрабатываю» – и это его встревожило.

В этом слове было скрыто что-то неприличное и волнующее. Казалось, что «отрабатывать» нужно в постели. Астерию невольно представлялась постель, а в ней – Вика.

– А ты чем занимаешься? – Вика нарушила ход его представлений, но спросила это таким блаженным тоном, точно они уже находились в этой постели.

– Учусь на психолога.

Интонация окончательно выдала его. Получилось слишком интимно и расслабленно.

– Значит, ты хорошо разбираешься в людях? А-а?.. Астерий?..

Ему показалось, что Вика слегка куснула его за ухо. Мурашки побежали по всему телу. Его начало знобить.

Он стоял с пустым фужером, на дне которого остались ягоды – малина и земляника. Чтобы скрыть свой подлый озноб, Астерий попытался опрокинуть в себя эти ягоды, но зубы предательски стукнули о стекло.

– Как здесь холодно, – зябко поеживаясь, нервозно вздохнул он.

Вика порывисто приблизилась к нему почти вплотную, точно желая его согреть. От нее исходил жар, но от этого жара Астерия зазнобило еще сильнее. Кисть его руки касалась твердой и шероховатой Викиной ноги в ажурных, плотной вязки колготках.

Ему стало нестерпимо холодно, зуб на зуб не попадал. И тут Астерий почувствовал упрямое, тугое восстание своей плоти. Это было гнуснее всего. Стыдно. Посреди всего павильона! Как животное.

Но Вику вдруг откуда-то позвали:

– Виктория Вадимовна, можно вас!..

Она торопливо, украдкой, точно они заговорщики, сунула ему свою визитку и улетела на зов.

Астерий увидел Лену, которая, рассеянно глядя по сторонам, жевала мясо. Значит, времени прошло очень мало.

Астерий начал быстро согреваться.

– Ну что? – зевнула Лена. – Поехали отсюда? Отстойное местечко.

Астерий кивнул.

Напоследок он поискал глазами Вику. Она, держа бокал шампанского, весело и беззаботно болтала в окружении мужчин в строгих черных костюмах. Астерий ощутил что-то похожее на ревность и, не оглядываясь, нерешительно двинулся к выходу.

За ним тащилась Лена и чертыхалась:

– Галимые игрушки. Зачем она нас позвала сюда?! Смотреть этот дешевый фуфляк? Грузиться, как она тут мульку гоняет? Уши всяким дуракам шлифует?!.

Когда Лену что-то раздражало, она сыпала жаргонными словечками. Они ей казались обиднее и сильнее мата. Лена видела, как Викулька легко и быстро обработала сноба Астерия, который тут же превратился в послушного теленка. И это испортило ее настроение окончательно. Она не предполагала в Викульке таких способностей. И теперь странная зависть и досада за Астерия боролись в ней.

И еще было обидно, что Викулька ее просто использовала, чтобы пригнать на презентацию Астерия. А Астерий?! Явил себя отстойнейшим придурком. Она была о нем лучшего мнения. Раззявился, как последний долбонавт.

Когда они вышли из павильона на улицу, Лена догнала Астерия. Ей захотелось сказать ему что-нибудь обидное и одновременно отвратить его от Вики, унизив ее.

– Викулька – полная раздолбайка. Чукча, блин. Ананасы свои выкатила, фары вылупила – вокзальная барби. Да? Правда?

Астерий не реагировал, переживая недавнее Викино присутствие. Тогда Лена перешла к фактам из Викулькиной биографии:

– В десятом классе она нашего историка закадрила. Парень молодой, москвич, неопытный, только институт окончил. А тут Викулька на него глаз положила. Посылала ему страстные эсэмэски с признаниями в любви. На уроках садилась на первую парту, выкладывала свои ананасы – тогда они у нее были уже такие же, все ребята смеялись: «У какой бабушки ты их сперла?!» Глазки жмурила, губами шлепала, как бегемот…

Астерий хмуро слушал.

– Ну и сломался чувак. Лошаком оказался последним. Раззявился на ее прелести. – Прикрываясь ладошкой от солнца, Лена заглянула Астерию в глаза. – Бамбук! Викулька тут же залетела от него. Скэндл вышел, естественно! Ее мать несколько раз в школу приходила, плакалась в кабинете у директрисы: «Моя дочка – такая девочка. Ну такая девочка! А этот мерзавец соблазнил ее…» И прочий мороз несла.

Они сели в машину. Лена чувствовала, что Астерию тягостно ее слушать, и это доставляло ей едкое, злобное наслаждение, хотя в школе они с Викулькой считались лучшими подругами.

– И тут началось самое интересное, – продолжила Лена. – Вдруг пришнуровал в Москву ее челябинский дружок. Оказалось, когда она ездила на каникулы в свой город, то завела там с ним крутые шашни. Замуж за него собиралась. Считалась уже его невестой. А он, почувствовав недоброе, прикостылял в Москву. У него в Челябинске своя бензоколонка, автомагазин при ней, кафешка и еще что-то там. Вот так. Заваливает к ней. А она беременная. И начала Викулька со страха перед ним пургу гонять, что залетела от него. Короче, этот челябинский мэн начистил ей хрюкальник как следует и отвалил. Об этом знала вся школа. Так-то вот. И пришлось Викульке, честной девочке, делать очередной аборт.

Про «очередной» Ленка явно загнула, и Астерий это понял, но все равно она добилась своего. Астерий решил никогда не звонить Вике. Действительно, какая-то грязная бабешка.

Уже на следующий день ему было неловко и стыдно вспоминать игрушечную презентацию. Ото всего – игрушек, аперитива, фужеров с ягодками, кусочков мяса на шпажках – на душе остался тягостный осадок. И от Вики тоже. Однако его тянуло к ней, тянуло испытать еще раз тот сладостный дурман, пережить

нехорошее, но острое и совершенно самостоятельное удовольствие от Викиного присутствия.

Время шло. Астерий ей не звонил. Вика начала исчезать из его воспоминаний. Ее образ тускнел, точно покрывался пылью.

И вот спустя неделю занятия в университете закончились неожиданно рано. Астерий с двумя приятелями возвращался с лекций на Ленкином «фольксвагене». Настроение у всех было легкое, радостное – весь день свободный.

Проезжали площадь Маяковского и тут решили посидеть в пивном ресторане. Попить холодного пива Pilsner под горячие вацлавские колбаски все оказались не прочь.

Приятели зарулили в полупустой ресторан. И под ненавязчивую музыку потекла обычная студенческая болтовня про несданные зачеты, зависшие курсовые и вредных преподов. Но после второй кружки беседа неизбежно съехала на захватывающие истории из студенческой, а значит, самой интересной жизни.

Астерий невнимательно слушал, вместе со всеми взрывался дружным хохотом, сам ничего не говорил, но, закусив губу, томительно что-то соображал.

Из ресторана приятели разъехались кто куда. Оставшись один, Астерий сел в машину и достал телефон. Услышанные истории и выпитое пиво живо напомнили ему Вику. Астерий точно увидел ее глазами своих товарищей. И ему захотелось с ней встретиться.

Набирая Викин номер, Астерий волновался. Он не знал, зачем он ей звонит и главное – что ей сейчас скажет. Наверное, Вика удивится. Повиснет неуклюжая пауза. Или она вообще его не узнает. Придется нескладно напоминать неловкие и гнусные эпизоды фуршета.

Но Вика не удивилась. Она заговорила просто, немного устало и буднично, но как и в тот раз – словно с давнишним приятелем, с которым у нее уже что-то было.

– Ну, ты как сегодня? – вздохнул Астерий. Он невольно принял ее тон немного усталого от жизни старого интимного друга.

– Сегодня?.. – чуть удивившись, грустно задумалась Вика. – Даже не знаю...

– А что? Работы много? – простодушно поинтересовался он.

– Да нет... С работой я, кажется, почти закончила. Просто накопились дела личного характера. А их тоже нужно решать. И решать в порядке поступления. Правильно ведь?.. У тебя что новенького? – без всякого интереса спросила Вика.

И Астерий вдруг почувствовал, что она уплывает, сегодня он вряд ли ее увидит и вообще когда-нибудь тоже. А он-то, дурак, напридумывал себе, что она только и ждет случая, чтобы броситься в его объятия. Больно нужен он ей, невидаль какая!

Однако Викина усталость и безразличие задели Астерия и подтолкнули к решительным действиям.

– Я вот подумал тут, нам бы встретиться сегодня. Посидеть где-нибудь. Хочешь, давай попозже?

Вика задумалась.

«Надо было раньше ей позвонить. А теперь ей не до меня», – болезненно соображал Астерий.

– Наверное, нет, – как приговор вынесла она. – Кажется, не смогу. Просто нужно успеть в несколько мест. Это обязательно. Так что не знаю. Нет. Сегодня никак.

– А завтра?

– Завтра... – скучно повторила Вика. – Завтра после обеда к нам приезжают поставщики из Австрии. Их придется встречать и так далее. Даже не знаю, когда освобожусь... Эти мероприятия – такие долгие и нудные. Сто раз помрешь с тоски. Ну хочешь, давай попробуем созвониться часиков в семь-восемь. Может, что-нибудь прояснится к тому времени... Идет?

Астерию показалось, что все это Вика говорит, только чтобы не огорчить его отказом. А самой ей встречаться с ним не хочется. И тут же Ленкины предупреждения «быть с ней поосторожнее» показались сейчас неуместными и смешными.

– Хорошо, Вик. Я тебе позвоню.

– Позвони где-нибудь… около восьми. Может быть, что-нибудь решим. Прости, что так получается. Мне очень хочется тебя видеть.

Последняя фраза была сказана просто, грустно и… очень проникновенно. Так говорит умная усталая женщина с любимым человеком, от которого у нее нет ни секретов, ни тайн.

Астерий, уже было загрустивший и подумавший, а стоит ли вообще перезванивать, если все так сложно и Вике не до него, последней фразой неожиданно окрылился.

На следующий день ровно без пяти минут восемь он позвонил Вике.

Слушая монотонные гудки, Астерий, однако, впал в уныние, представляя, как сейчас Вика опять устало, извиняясь, скажет, что ничего не выходит, не получается… Но вместо этого услышал ее счастливый волнующий голос:

– Ну, слава богу! Кажется, все кончается. И у нас с тобой будет целый вечер. Я так рада. А ты?

Она говорила на фоне оживленных голосов и бравурной музыки.

Они договорились увидеться напротив ее офиса.

Но оказалось, все не так просто. Астерий прождал ее битый час. А Вика все не выходила – проклятые поставщики не могли решить какой-то последней детали.

Астерий уже начал отчаиваться. И тут наконец появилась Вика. Появилась неожиданно, точно случайно, будто во сне. И воспринялась Астерием как

подарок судьбы.

Он выскочил из машины ей навстречу. Они обнялись и радостно поцеловались. Астерию показалось в тот миг, будто он знает ее целую вечность.

Когда он ждал Вику, то почему-то представлял, что она будет одета примерно как и на фуршете. Но на ней было черное платье на узких бретельках в бледно-розовых цветах, чуть повыше колен. На груди – черный кулон на цепочке из белого золота и такой же браслет на руке. Вика смотрелась дорого, просто и очень женственно. Гладкие черные волосы были распущены по плечам и придавали ее образу взволнованность, милую непосредственность.

Рядом с ней Астерий, в серых недорогих брючках и светлой рубашечке, смотрелся тускло: точно пролезшим сквозь паутину.

– Куда мы поедем? – влажно улыбнулась она.

Они залезли в машину. Вика сидела рядом, и теперь Астерий видел ее изящные ноги в прозрачных колготках и черных бархатных туфлях, украшенных черными камешками.

– А куда ты хочешь?

Астерий собирался позвать ее в пивной ресторан, куда и сам часто ходил, водил друзей и знал там все обычаи. Но теперь Вика превратилась в светскую столичную даму, и пивной ресторан к ней явно не катил. Везти же Вику в дорогой клуб Астерий не мог – он был студентом и денег у него на это не было.

Его не покидала мысль, что Вика выбежала только на минуточку и сейчас снова исчезнет, что у нее в офисе остались дела и люди, поставщики-австрийцы, и что ей по-прежнему не до Астерия.

– Я думал, может, в пивной ресторан, – убого сознался он.

– Пива выпить?! – весело, точно мальчишеским проделкам, засмеялась Вика. – С удовольствием! Но только ты знаешь... Я ведь на машине. От пива такой запах, а мне ехать. И тут ее не бросишь. – Словно досадуя, Вика кивнула на бордовый

японский джип, стоящий у самого входа в ее офис.

– Это твоя машина? – удивился Астерий.

– Да, – вздохнула Вика и печально развела руками. – Ничего не получается...

– Но как же быть?! – Предчувствия Астерия сбывались – Вика исчезала.

Она взялась уже за ручку двери и, прощаясь, с сожалением посмотрела ему в глаза.

– Постой, – попросил он, но Вика его не услышала, потому что уже вылезла из машины.

– Как же быть? – повторил Астерий, бешено перебирая варианты.

Вика уходила, и казалось, навсегда. В салоне остался тонкий аромат ее духов.

– А поехали ко мне! – Астерий догнал ее, жалко обнял сзади, словно пытаясь удержать. – У меня целый коттедж, можно пить сколько хочешь, и никакого запаха. И гараж на две машины. А?

– Ну, поедем, – скромно пожала плечами Викулька, словно уступая: ну что, мол, с тобой поделаешь?

Глава 5

Последние месяца два Лиза жила с гнетущим чувством надвигающейся беды. Шли дни, ничего не происходило, но чутье ей подсказывало, а точнее, просто вопило о грядущей трагедии. Впереди ее ждет что-то страшное.

Но что? Временами в рабочей круговерти, в повседневных заботах эта тяжелая, надсадная боль, казалось, проходила, однако стоило ей остановиться, устать – сесть перед телевизором, с журналом или книгой, как сосущее нытье оживало.

Оно росло, заполняло все уголки и извивы Лизиной души, подавляя все прочие чувства и желания. Становилось так тягостно и муторно, что порой было трудно дышать. Будто ее накрывала тень безжалостного, зловещего чудовища.

Сосущая тревога... Как тяжело носить ее, ожидая неведомой, но неотвратимой катастрофы.

Однако кончилась весна, наступило лето, а так ничего и не случилось. Боль не прошла, но притупилась, стала привычной. Лиза свыклась с ней, научилась не замечать, хотя на самом деле просто обманывала себя, что не замечает, что привыкла, потому что к такому привыкнуть нельзя. Она боялась остановиться, остаться одна, стала опасаться тихих семейных вечеров, минут отдыха и особенно выходных. Тогда она выдумывала себе множество неотложных дел – магазины, цветы, покупки...

Как-то утром они с мужем сидели вдвоем в столовой и неторопливо завтракали. В окна светило солнце, напоминая Лизе о ее беде.

Саша перелистывал иллюстрированный журнал, изредка комментируя его материалы:

– В этом году модными странами для вояжей будут... Знаешь какие? Индонезия, Новая Зеландия и даже Вьетнам. Может, и нам взять отпуск да махнуть куда-нибудь? Я так устал, и работать не хочется. Смотаемся во Вьетнам? Или в Африку? Сейчас это было бы очень кстати. Лиз, чего молчишь? Поехали?

Саша беззаботно улыбнулся. Лизе показалось, что ему легко и весело. Он явно не чувствовал никакой надвигающейся беды. Между ними зазияла пропасть.

– Вьетнам, Африка, все это так далеко, – отозвалась Лиза и вдруг согласилась: – Едем!

От нависшей беды, от тяжелого состояния можно уехать! Можно обмануть его, сбежав от этих стен, пропитанных гнетущими переживаниями.

– А ты помнишь, Саша, куда мы ездили с тобой в самый первый раз, когда все кончилось? – ностальгически пропела она.

– Когда закончилась детективная эпопея с Гришкиным наследством? – широко улыбнулся Саша.

– Именно тогда! – Лиза игриво посмотрела на него.

– Помню. – Он тоже ностальгически задумался и обнял жену. – В Лапландию...

– Лапландия! Какое было время! – очарованно вздохнула Лиза. Сейчас она точно знала, что делать. Бежать! И знала куда – на край географии, в самый тихий уголок Европы – в финскую Лапландию.

Тогда, шесть лет назад, все было наоборот – над ними висела реальная угроза в виде шантажиста Карташова, вынужденной работы на преступный фонд «Обелиск», который впутал в свои сети Сашу, и хитрой шпионки – оборотня Глинской. Но не было подавляющей безысходности, как сейчас. Напротив, была уверенность, что скоро все закончится, и закончится непременно благополучно. И когда действительно все закончилось благополучно, они с Сашей уехали в край тысяч озер – в Финляндию. После всех невзгод и опасностей хотелось покоя, забвения, тишины.

Финская Лапландия, пожалуй, самое подходящее для такого отдыха место.

Стоял декабрь. Они прибыли в затерянное среди снегов местечко Торнио. В ста километрах севернее от Торнио, за параллелью 66.33, начинался полярный круг. А там – таинственное царство Каамоса, финского Деда Мороза: полярная ночь, непостижимое сочетание темноты и полумрака, прерываемое сумерками в полуденные часы. Бледный свет луны и блеск снега заменяли там дневной свет.

В Торнио низко над горизонтом висело красное солнце. Кругом тишина, безбрежные просторы заснеженной тайги, замерзшие озера, реки и скованный льдом Ботнический залив.

Из туристов почти никого – только они с Сашей и группка американцев, настроенных на дурашливый детский лад, несказанно радующихся всему, что мало-мальски пахнет экзотикой.

Американцы частенько составляли им компанию, участвуя в ночных сафари на мотосанях или настоящих финских хаски – нартах, в которые впрягались ездовые лайки.

С американцами они катались наперегонки в санях, запряженных северными оленями. Но самым захватывающим – когда от ужаса замирал дух – был, безусловно, полярный виндсерфинг. Они вставали на лыжи, брали в руки небольшой парашют, и дальше – лови ветер, вперед! На заснеженной ровной глади Ботнического залива дули сильные ветры.

– Ты обогнала всех, но не знала, как остановиться. – Саша нежно и любовно поцеловал Лизу. Он вспомнил задорное, раскрасневшееся, но перепуганное Лизино лицо, когда она забыла, как изменять направление движения стропами. – Я думал, ты улетишь от меня.

– Я и сама была в этом уверена, – улыбнулась она и прижалась щекой к его щеке. – Казалось, все – взлетаю.

– Какие же мы были с тобой экстремалы! А помнишь путешествие на ледоколе «Сампо», который крошил лед восьмиметровой толщины? А потом купание в черной воде среди льдин под зелеными всполохами северного сияния...

– Зато после купания – ужин в «Снежном ресторане»...

– ...где даже столы и кресла изо льда, лишь застеленные оленьими шкурами. И ночь в холоднющем снежном отеле «Мамонт». Мы реально рисковали вымереть, как мамонты...

– ...но ведь там же была финская банька по-черному, в которой мы с тобой, мой милый, так славно попарились.

– Отсюда следует, – заключил Саша. – Мы как можно скорее берем отпуск и срочно улетаем в Индонезию!

– Мы срочно берем отпуск, – игриво кивнула Лиза, – и как можно скорее уезжаем в Лапландию!

– Ну, Лапландия так Лапландия, – легко согласился Саша. – Тем более что мы еще не видели ее летом.

Лапландия встретила их той же пустынностью, таинственной тишиной и незаходящим солнцем. Они остановились в отеле, в нескольких километрах от полярного круга, в городке Рованиеми, административном центре финской Лапландии, выросшем на месте зимних становищ древних саами, по-нашему лопарей.

Но нельзя войти в один поток дважды. Не успели они приехать в Лапландию, как Лиза уже начала томиться.

Делать было решительно нечего. Они гуляли в величественном сосновом бору, катались по озерам на лодке, несколько раз искупались в холодноватой протоке. Пытались даже удить рыбу, но, кроме двух речных форелей, ровно по сорок сантиметров каждая, не поймали ничего.

Малиновое солнце, всю ночь висящее над горизонтом, начинало нервировать. Ночью было трудно уснуть, в окна глядело и глядело солнце. И весь день потом они ходили разбитые, невыспавшиеся, как пьяные.

И со спиртным в финских ресторанах тоже было по-прежнему сухо: выдавалась стандартная норма – сорок граммов водки на человека.

Они пробовали податься к югу – там ночью не видно солнца, оно не высовывается из-за горизонта. Но белые ночи, действительно белые, каких никогда не бывает в Петербурге, тоже выматывали. Изнуряющее ощущение – кажется, что свет исходит со всех сторон и даже от каждого предмета.

На маленьком прогулочном самолете из Килписярви Лиза и Саша улетели опять на север, в Саллу.

Они потерянно бродили в этом краю диких, не тронутых цивилизацией рек и озер, точно искали оброненное ими семь лет назад и не могли найти. Взбираясь на очередной каменистый холм, поросший сосновым редколесьем, Саша и Лиза любовались красивой, величественной, но такой однообразной картиной: цепь озер с извилистыми берегами, а за ними – гряды лесистых холмов, возвышающихся среди озер, за которыми опять лесистые холмы среди цепи

озер. Уходя все дальше на север, они добрались до самого края Лапландии – горной лесотундры. И там ночами под незаходимым неподвижным солнцем одиноко бродили по склонам Скандинавского нагорья, щедро усеянного снежно-белыми колокольчиками полярного вереска и красными цветами горной азалии.

Дальше идти было некуда, впереди, сразу за рекой Тенойоки, начиналась Норвегия. Отсюда Лиза с Сашей решили податься в Хельсинки, как шутят сами финны – в единственный город Финляндии с полумиллионным населением, расположенный в самой южной точке страны.

Бесцельно шатаясь по городу, они то и дело натыкались на мемориальные доски В.И. Ленину, часто бывавшему в Хельсинки, – финны бережно хранят память об этом человеке.

Окончательно сбив себе режим, они теперь отсыпались днем и вынужденно бодрствовали ночи напролет. Белые ночи в Хельсинки были сумрачные, хотя все равно светлее питерских.

Возвращаться домой было рано – они опять уехали на север, под красное полночное солнце Лапландии. И здесь все ночи напролет катались на лодке по пустынным озерам или, подплыв к молчаливому острову, подолгу лежали на его каменистом теплом берегу.

Было по-ночному тихо, только вода журчала под днищем лодки. От нескончаемых солнечных неподвижных ночей, когда землю все равно окутывал мягкий полумрак, точно серый свет сновидений, они потеряли счет времени.

Лежа в древней рыбацкой лодке, Лиза с Сашей загорали и с восторженным удивлением, словно увиделись сейчас впервые, рассматривали друг друга. Каждому было необычайно приятно под этим взглядом.

Потом осторожно, чтобы видение не исчезло, касались друг друга. Саша дотрагивался до ее груди, а Лиза гладила его ладони...

Но хорошо бы вначале познакомиться.

– А можно с вами познакомиться? – Приподнявшись на локте, он всмотрелся в ее совершенно новое, неведомое лицо и нежно поцеловал ее грудь.

– А стоит ли нам с вами знакомиться? – с сомнением отозвалась Лиза, глядя не отрываясь в его незнакомые, небывалые глаза. – Что это даст? – Привстав, она поцеловала его плечо.

– Мне страшно будет вас потерять. – Он гладил, целуя, ее тело. – Хотя бы скажите ваш телефон.

– Я не могу сказать. – Лиза села, обвила его спину, прижалась к нему.

– Не помните, счастье мое? – Саша ласкал ее ноги, живот.

– Прекрасно помню... – Обеими руками она гладила ему спину. – Но...

– Почему же но? – Саша поцеловал ее колени. – Почему?

– На это есть веские причины. – Лиза наклонилась над ним, прижалась щекой к его спине и услышала, как торопливо, часто-часто бьется его сердце.

Она провела пальцами по его спине:

– Потому что у вас больно гладкая спинка и округлые ягодицы. Вон какие! Нет, не могу дать. – Она водила языком по его позвоночнику.

– Но ведь у вас они еще более округлые. Мы два сапога пара. – Саша счастливо и трепетно гладил ее. – Ну, дайте же ваш телефон.

– Хотите честно? – Лиза дошла языком до его копчика. – Я не дам вам телефон потому, что у меня есть муж.

Она еще раз внимательно и сладко осмотрела его спину.

– И если вы позвоните мне, то к телефону может подойти мой муж. Будет пренеприятная сцена. Он очень огорчится. А я не хочу расстраивать его. Он

хороший, добрый и умный. А из-за ваших пустых звонков уйдет от меня. Я этого не перенесу! Если он меня бросит… Я даже боюсь об этом думать.

Лиза распрямилась, подняла Сашину голову и всмотрелась ему в глаза.

– Слышите?! Я не вынесу, если он меня бросит. Не будет вам никакого телефона! – Она порывисто обхватила его за шею.

Саша обнял ее за талию и поцеловал.

– А давай тогда сделаем так… – Оторвавшись от ее губ, он дышал ей в шею. – Мы сделаем так. Звонить будешь ты мне.

Она повалила Сашу на спину и легла на него.

– А у тебя что, жены нет?

– Есть. Но звонить ты мне будешь на сотовый.

– Вот это хорошо. После ты мне дашь телефон. И если я его не забуду, то, может быть, позвоню.

Неприметным течением их лодку прибило к острову. Лодка села на мель и накренилась – они скатились к борту, и теперь Саша оказался сверху.

Здесь было комариное место. Комары начали садиться на гладкую Сашину спину. Под их укусами он заерзал, пытаясь согнать комаров. Лиза счастливо засмеялась:

– С тобой очень… очень приятно… Я даже… не знала! По тебе… и не скажешь!..

Он ничего не ответил, продолжая усиленно ерзать на Лизе. У него покраснело лицо, на лбу вздулась жила.

– Хвала комарам, моя радость! – Лиза замахала руками над ним, прогоняя комаров. – Но я сейчас думаю о другом. Значит, ты не боишься огорчить твою

жену?

– Боюсь, – тяжело дыша, признался Саша.

– Но все же готов огорчить. Только что огорчил. Представляешь, если она узнает? Тебе не жалко ее?

– Жалко.

Новая стая комаров повисла над Сашей, а Лиза спрятала руки. Комарье облепило его. Саша опять энергично заелозил на ней. Она залилась хохотом.

– А ты любишь твою жену?

Он не отозвался.

– Глупый вопрос… – продолжала Лиза, прерывисто дыша. – Идиотский вопрос. Если бы любил, то не обнимался бы сейчас с чужой. Верно? Расскажи мне о ней. Вот именно сейчас. Ну? Что, нечего сказать? Слушай!.. – Лиза приподняла голову и увидела тучу комаров на его спине. – Какой кошмар! Отсюда надо срочно уплывать. Или давай войдем в воду и там продолжим. Что молчишь? Или-или?!.

– В воду войдем, – с трудом проговорил Саша. У него чесалась и зудела вся спина.

Они быстро поднялись и, бултыхаясь и брызгаясь, вбежали в озеро. Вода приятно холодила их разгоряченные тела. Саше показалось, что Лиза хочет уплыть от него, – он схватил, обнял ее. Она не вырывалась.

– А у вас с женой было когда-нибудь вот так, в море или в реке?

– Нет.

– И у нас тоже не было.

Они стояли обнявшись, и над водой были видны только их головы, точно слепленные мячики.

– Ты вернешься к жене или со мной останешься?

– Но я ведь ничего не знаю о тебе. – Саша окунулся, потому что комары стали садиться ему на лицо.

– Ну и что?! О своей жене ты, наверное, знаешь все. Однако собираешься из-за меня бросить ее. Поэтому я не скажу о себе ничего. Чтобы ты меня так же не бросил потом! Я для тебя буду тайной.

Саша опять нырнул. Под водой он открыл глаза и увидел тело своей незнакомки, таинственно колеблющееся в ночном озере. Хотелось смотреть на него, но Лиза тоже нырнула и открыла глаза. Саша под водой оказался еще смешнее, чтобы не всплыть, он забавно, по-лягушачьи, перебирал ногами и руками, а волосы у него стояли торчком, как у дикобраза. Лиза обхватила его туловище ногами и больше уже с ним не церемонилась...

Когда они вышли из воды, их объял космический холод. Лихорадочно дрожа и ежась под легким ветерком, который в момент делал кожу гусиной, они торопливо вытащили из лодки махровые полотенца и укутались в них с головой.

Пришлось носиться по берегу, прыгать, отплясывать дикий танец. Только опавшая хвоя больно колола ноги.

– Скорее разводи костер, – дробно стуча зубами, приказала Лиза.

А Саша невольно залюбовался ею: с посиневшим, искривленным судорогой ртом, Лиза напряженно смотрела на него темными расширенными глазами, на лицо ей падала мокрая прядь. Сколько в ней было сейчас непосредственного, трогательного, очаровательного.

– Не стой же, мой милый. Собирай скорее ветки в кучу. А дым прогонит комаров, – судорожно дернулась Лиза. От нее не укрылся Сашин восторженный взгляд. – Лучше бы так на жену свою смотрел. Ты смотрел когда-нибудь так на нее? Нет? Ведь нет же?! Я знаю, что нет!..

Саша бросился сгребать в кучу валежник.

Вскоре затрещал костер. Вкусно запахло сосновой смолой. Тонкие веточки прогорали быстро, хвоя на них ярко вспыхивала и тут же гасла. Смолистый едкий дым отогнал комаров.

– А жаль, – улыбалась Лиза. – От комарья нам есть большая польза. Правда, милый?

Она сидела у костра, скрестив ноги по-турецки. Лиза уже обсохла, согрелась, и полотенце съехало ей на колени. Саша ползал рядом, раскладывая закуски и устанавливая бутыль багрового финского ликера – одного цвета с солнцем, неподвижно висящим над горизонтом. Саша любовно посматривал на Лизины тронутые полярным загаром плечи и грудь.

Он разложил по тарелкам холодное жаркое из оленины и разлил по стаканчикам ликер.

– Выпьем, счастье мое, за всех нелюбимых, оставленных и забытых. – Лиза подняла стакан и залпом выпила.

Саша вспомнил, что у него с собою камера. Он кинулся к лодке, но Лиза остановила его:

– Хочешь щелкнуть меня на долгую память? Не удастся. Я не буду фотографироваться, тем более в таком виде...

И вдруг далеко-далеко, за лесом, прокричал петух. Его одинокий крик пролетел над спящей озерной гладью и затих, словно запутавшись в верхушках сосен. Потянуло утренним холодком.

Петух крикнул опять. Ему ответили петухи сразу из нескольких мест. Где-то залаяла собака. Зашумело по лесу, защебетало, засвистело. Наступало утро. Пора было возвращаться домой.

– Давай быстрее твой сотовый! – словно опомнившись, торопливо потребовала Лиза. – Дашь?

Саша начал сбивчиво называть хорошо знакомый ей семизначный номер, а она не могла его запомнить.

– Подожди же, милый. Не так быстро, – сосредоточенно попросила Лиза. – Я позвоню тебе сразу же, как приеду в Москву. Еще нам надо условиться о времени, чтобы рядом случайно не оказалось твоей глупой жены...

Но вдруг Лиза замерла, осознав смысл происходящего, жалобно посмотрела на мужа и зарыдала. Она рыдала безутешно, отчаянно и страшно, как рыдает мать по единственному сыну, погибшему на войне.

Глава 6

Субботним утром дома было удивительно. За неделю обитатели таунхауса разъехались кто куда, и Лене пришлось завтракать и пить кофе в одиночестве.

Это нормально. В последние несколько дней она привыкла довольствоваться собственным обществом. На работе сидела тет-а-тет с мебельными каталогами, которые чем дальше, тем меньше увлекали ее, а дома отдыхала от каталогов: скучала у себя в комнате, бросая невидящие взгляды в экран телевизора, или спускалась на кухню приготовить к маминому возвращению с работы одно из привычных блюд: салат, рыбные стейки, горячие бутерброды.

Мама, иногда вместе с Сашей, домой возвращалась поздно: накануне отъезда в Финляндию ей захотелось пополнить гардероб. В общем-то вполне естественное желание. Но все-таки временами мама походила на человека, сорвавшегося с катушек.

Лена буквально остолбенела, увидев в очередной серии ее покупок короткую юбочку-шотландку на широкой бархатной кокетке.

– Зачем тебе это?! – От возмущения Лена всплеснула руками.

– Например, ходить на завтраки. – Мать искательно улыбнулась. – С белой рубашкой эффектно, нарядно – самое то!

– Ничего себе то! – фыркнула Лена. – Кто, скажи мне, пожалуйста, наряжается на отдыхе, с утра, да еще в каком-то провинциальном отеле?! К этой юбке нужны туфли, к туфлям колготки... Ты будешь выглядеть так, как будто идешь на прием!

– Да? – Мама с сомнением пожала плечами и задумчиво посмотрела на юбку. – Да... Ты, может быть, права...

На следующий день она свезла юбку в магазин, но вместо нее прикупила длинный, с большим декольте сарафан неопределенного палево-розоватого оттенка. Лена сдержалась и промолчала. Матери как-никак сорок два, детство давно миновало, до маразма далековато... Но неужели она не видит?

Лена скупо похвалила мамину «немного экстравагантную покупку», и больше с ней, слава богу, не советовались. Перед отъездом мама вдруг забеспокоилась об Астерии. Все допытывалась, почему он опять стал жить в коттедже, просила Лену позванивать и при возможности наведываться к нему.

– Это неудобно! – возразила Лена, давая понять, что Астерий в коттедже не один. Она еще ничего не знала наверняка о Вике и Астерии, но кое о чем догадывалась.

– Нормально! – подмигнул ей Саша. – Все нормально. Начинай операцию по выведению парня на чистую воду! А как у тебя с работой? Продвигается? Губанов на следующей неделе грозился отправить тебя на заказ.

– Отправит – поеду, – сглотнув от волнения слюну, ответила Лена. «И опозорюсь вдрызг», – добавила она про себя.

Сейчас, сидя на кухне, Лена припоминала историю собственного позора.

Губанов не преминул исполнить свои угрозы, и уже на следующий день новая сотрудница «Мебель-эксклюзива» дизайнер Елена Векшина выехала на заказ к гражданке Литвиновой, проживающей в лабиринте арбатских переулков. Литвиновым принадлежала пятикомнатная квартира, занимающая в предреволюционном доходном доме половину третьего этажа. Общее впечатление: дуб, бронза, фарфор и вековая пыль. И правда, как выяснилось

вскоре, семейство прожило в этой квартире девяносто лет. Накануне революции сюда въехал Литвинов-дед, профессор-офтальмолог. События, вскоре произошедшие в России, не сулили профессорской семье ничего хорошего, однако же семья устояла. И даже продолжала плодиться и размножаться: в тридцатом году вышла замуж дочка профессора Мария, а через два года сын Вениамин женился на девушке Луизе, происходящей из семьи обрусевших немцев. В тридцать пятом году у них родился сын, который теперь тоже стал профессором и полноправным хозяином арбатской квартиры.

Все это Лена узнала от стройной заджинсованной дамы Маргариты Георгиевны, супруги Владимира Вениаминовича Литвинова. Лена не очень-то понимала, к чему Маргарита Георгиевна клонит, но та обстоятельно и невозмутимо продолжала знакомить дизайнера с подробностями жизни профессорской семьи.

Владимир и Маргарита поженились поздно. У мужа это был второй брак, его первая жена не ужилась со свекровью – этнической немкой Луизой, требовавшей, впрочем, чтобы ее звали Людмилой. Маргарита же вышла замуж уже после ее смерти. Они были очень счастливы сначала вдвоем, а потом втроем – с дочкой Лерочкой. Лерочка росла доброй, послушной, училась исключительно на пятерки и блестяще сдала экзамены в медицинский институт. Но на последнем курсе случилось несчастье. Лера пережила серьезное чувство к ничтожному во всех отношениях человеку, своему сокурснику. Узнав, что Лера беременна, недостойный молодой человек испарился, исчез с ее горизонта и даже в институте больше не показывался. Про аборт Лера не хотела слушать, и скоро они стали жить вчетвером – у них с Владимиром родилась внучка Анфиса.

Теперь Анфисе пошел двенадцатый год. Она полная противоположность матери – живая, непоседливая, очень музыкальная.

– Все складывается просто замечательно, – Маргарита Георгиевна ободряюще улыбнулась Лене, – но вдруг мы все как-то одновременно почувствовали, что в нашей квартире становится тесно.

– Тесно?! – переспросила, почти вскрикнула Лена. – Если уж у вас тесно...

По сравнению с арбатской квартирой Литвиновых их таунхаус выглядел спичечным коробком.

– Вы правы, у нас вовсе не тесно. Нашу с вами задачу я вижу в том, чтобы рационально реорганизовать пространство. При этом, конечно, все хотелось бы сохранить в неприкосновенности!

– Что именно? – уточнила Елена, сильно обрадовавшаяся, что разговор наконец-то зашел о деле.

– Нашу с мужем спальню – без вопросов! Я даже думать об изменениях не хочу! Столовую и гостиную… Видите ли, у мужа бывают гости, журналисты, маститые коллеги, их невозможно принимать на кухне. Мы не можем жертвовать этими комнатами, так же как кабинетом моего мужа. Он живет для науки! А молодые на это, как принято говорить теперь, ноль эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/solov-eva_anastasiya/ocharovannye

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити